

© 2020 г.

И.Л. НЕДЯК, Т.В. ПАВЛОВА, С.В. ПАТРУШЕВ, Л.Е. ФИЛИППОВА

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ И ЗОНА ВЛАСТИ: ВЕРСИИ ИДЕАЛЬНОГО ТИПА И ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ВЕРИФИКАЦИИ

НЕДЯК Ирина Леонидовна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник (iraned@mail.ru); ПАВЛОВА Тамара Владимировна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник (tamarapavlova@mail.ru); ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, руководитель отдела, профессор (servpatrushev@gmail.com); ФИЛИППОВА Людмила Евгеньевна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник (ludmila_filippova@hotmail.com). Все – отдел сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Аннотация. В статье анализируется возможность использования понятий «политическое поле» и «зона власти» для исследования условий формирования в России политики современного типа, основанной на целеполагании и конкуренции. Представлены примеры концептуализации понятий на основе неоинституционального, делиберативного и неореспубликанского подходов. Верификация разработанных авторами моделей осуществлялась на базе данных общероссийского репрезентативного опроса населения 2018 г. Показано, что разное понимание роли правил в политике определяет представления о политической сфере в России как о закрытой и деформализованной зоне власти либо открытом политическом поле. В соответствии с этими представлениями оцениваются возможности реализации интересов граждан в политике и формирования установок на участие. Примененные в работе подходы позволяют также выявить потенциал трансформации зоны власти в поле политики.

Ключевые слова: современная политика • власть • господство • граждане • политическое поле • зона власти • неоинституциональный анализ • неоклассический республиканизм • делиберация • рефлексивность • диалогичность

DOI: 10.31857/S013216250008323-8

Условием конституирования и разворачивания политики как исторического и социального явления является наличие институциональной среды этого поля – совокупности правил, регулирующих и ограничивающих процессы формирования и функционирования политики. Между тем, как показывают исследования, в современной России «политика» воспринимается как принципиально отдельное от общества «место», в котором действует власть [Гражданское и политическое..., 2013: 520] – не в интересах общего блага, а для достижения собственных целей. Ограниченная и закрытая «зона власти» замещает в представлениях россиян политическое поле – институционализированную публичную сферу взаимодействий по поводу общих целей и значимых проблем, стратегических решений для общества. Использование понятий «политическое поле» и «зона власти» для анализа условий формирования и функционирования политики в России требует их теоретической концептуализации и эмпирической, социологической верификации.

Методология и эмпирическая база исследования. Неоинституциональный анализ призван ответить на вопросы об отборе и смене институтов, выборе организационных

форм в зависимости от характера институциональной среды и об особенностях практик и поведения акторов в различных институциональных рамках (см.: [Патрушев, 2001]). Определения, сформулированные с неинституциональных позиций, дополнены и уточнены с учетом положений делиберативной и неореспубликанской теорий. Эмпирическая база работы основана на результатах массового опроса¹, проведенного отделом сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН в июне 2018 г. Объем выборки, репрезентативной для Российской Федерации в целом и федеральных округов РФ в частности, составил 700 человек; отбор респондентов производился с соблюдением пропорций по численности населения в возрасте 18 лет и старше в федеральных округах по типам поселений, а также с учетом квот по социально-профессиональным группам. Обследование проводилось во всех федеральных округах, в 21 субъекте РФ. Обработка полученных данных осуществлялась с использованием программы IBM SPSS Statistics.

Версии идеального типа политического поля и зоны власти. С институциональной точки зрения политическое поле как идеально-типический конструкт – это пространство отношений политических акторов, определяемое совокупностью постоянно (вос)производящихся правил, в соответствии с которыми осуществляются взаимодействия по поводу значимых проблем в рамках наличного и альтернативных проектов, целей и стратегических решений для общества. Вырабатываемые в политическом поле общие цели и ценности становятся основой *социетальной интеграции* и *легитимации социального порядка*. Универсализация норм политического взаимодействия в форме законов является условием конституирования и функционирования *политического государства*.

Если универсальные нормы подменяются ситуативными договоренностями, принятие политических решений – администрированием, а акторы дифференцируются не в соответствии с политической идентичностью, а по принципам личных связей, то можно говорить о формировании *зоны власти*. Ее основу составляют кликовые общности, которые складываются на социальном (межличностном) уровне и воспроизводят привычные неформальные нормы и практики на социетальном уровне (подробнее о кликах см.: [Патрушев, Хлопин, 2007]). Доступ в зону власти определяется личными связями, она принципиально ограничена и блокирует массовое вовлечение граждан в политические практики, вытесняя институты политического представительства механизмами исключения на основе лояльности к принципам кликовой организации. По сути, в зоне власти осуществляется не *политическая власть*, а *неполитическое господство*, основными инструментами которого являются манипулирование желаниями людей, пропаганда, деньги и сила (в пределе переходящая в произвол и насилие).

Делиберативный подход противопоставляет правилам зоны власти, основанным на господстве и подчинении, модель политики, позволяющей выйти за ее пределы через формирование горизонтальных отношений между гражданами, а также между властью и гражданами. Он, таким образом, способствует выявлению потенциала трансформации зоны власти в поле политики.

С точки зрения данного подхода делиберация – это происходящий в публичном пространстве процесс коммуникации между гражданами, в ходе которого путем диалога, дискуссий, переговоров идет поиск приемлемых для всех путей решения коллективных проблем, конструируется разделяемое всеми понимание общего блага, то есть, собственно, решаются проблемы, которые относятся к сфере политического. Протагонистами политического поля являются граждане, способные к рефлексии, диалогу, обсуждению общественно значимых проблем, а делиберация превращается в способ выстраивания взаимодействия политических акторов, модель функционирования *политики граждан* [Массовая политика..., 2016: 36–41].

Основными принципами делиберации являются публичность, инклюзивность, диалогичность, высокий уровень рационализации, формальное и фактическое равноправие

¹ Далее по тексту – опрос ОСПИ-2018.

граждан. В контексте идеал-типического конструкта политического поля становится очевидной роль делиберации как процедуры, на макро- и микроуровнях способствующей установлению горизонтальных (в отличие от иерархических) отношений в поле политики, обеспечивающей включение в политику максимально широкого круга людей, обучение граждан взаимодействию и воспитание в них *гражданских добродетелей* (civic virtues). В делиберативных, дискурсивных практиках происходит формирование институциональной среды поля политики: вырабатываются ориентации и ценности – доверия, эмпатии, равенства, справедливости, свободы, солидарности – необходимые для становления гражданина, а также нормы, правила и стратегии, по которым граждане действуют в качестве политических акторов.

Эмпирические исследования показывают, что делиберативные институты и практики, как правило, положительно влияют на политическую компетентность участников, доверие к политическим институтам и межличностное доверие, готовность к коллективному действию и в целом – на гражданские добродетели [Andersen, Hansen, 2007; Gronlund, Setala, Herne, 2010]. Возможны, однако, и негативные эффекты, когда делиберативный процесс, вместо ожидаемых политической вовлеченности, большего доверия и развития способностей к аргументации, генерирует враждебность и недоверие [Mansbridge, 1983; Mendelberg, Oleske, 2000]. Видимо, делиберация вряд ли возможна в среде, где отсутствуют различия во мнениях и где индивиды не расположены к восприятию других точек зрения и дискурсов [Mutz, 2006].

Этот вывод важен в российском контексте с характерным для него отчуждением граждан от власти и низким уровнем межличностного доверия. Однако даже в этом случае практики делиберации могут стать способом конституирования поля политики, если использовать успешно опробованные формы: делиберативные форумы; опросы общественного мнения; гражданские жюри; ассамблеи и пр. Особо важны изменения, происходящие с людьми, участвовавшими в делиберации. Исследования показали, что «простые» индивиды вполне могут стать компетентными гражданами, если только получают для этого инструменты [Fishkin, 2003].

В терминах неоклассических республиканцев понятия «политическое поле» и «зона власти» можно прочесть как «сфера социальных отношений не-доминирования» и «сфера доминирующей или поработавшей власти». Идеально-типическую модель политического поля неоклассиков-республиканцев конституирует стержневая регулятивная идея – концепция свободы как не-доминирования/не-господства (*non-domination*) (см.: [Петтит, 2006], а также [Шапиро, 2012]).

Доминирование (господство) понимается как возможность субъекта власти произвольно (по своей прихоти и/или своекорыстному желанию) процессуально и/или системно: а) принудить/принуждать объекта власти действовать вопреки его предпочтениям и интересам; б) ограничивать (и/или формировать) в своих интересах его возможности выбора жизненных стратегий и опций поведения [Lovett, 2010]. Размер и степень интенсивности сферы отношений господства зависят от способности институциональной среды и социальных конвенций выполнять функции внешнего ограничителя действия власти и стимулировать эмансипацию граждан.

Ключевым признаком политики считается институциональное обеспечение прав и возможностей граждан защититься от беззакония, контролировать и оспаривать действия власти. Иными словами, идеалы *vivere libero* Республиканского Рима играют главную роль; идеалам активного участия в жизни политики афинской республиканской школы (*vita activa*) отводится роль важная, но вспомогательная.

К основным принципам и способам минимизации социальных отношений господства (зоны власти) неоклассики относят законоправие, правовой конституционализм; институциональное обеспечение и поощрение электорально-контестаторной активности граждан; поддержание республиканского «общего мира» как места бытования эгалитарного общего блага свободы от господства, вовлечение граждан в его делиберацию;

формирование морального порядка свободы от господства как регулятора общественных отношений, упрочение общего знания о его соответствующих нормах; интериоризацию идеала свободы от господства как условие и элемент политики с ненулевым результатом. Аналитический арсенал неоклассиков расширяет возможности определения потенциала, характера и способов движения российской политики на нормативной шкале от «зоны власти» к «полю политики».

Верификация моделей политического поля и зоны власти. Опрос ОСПИ-2018 позволил оценить, насколько российские реалии соответствуют характеристикам того или иного идеального типа политического поля.

По мнению россиян, власть принадлежит президенту (65%), политикам (52%), чиновникам (46%) и силовикам (27%). Лишь 10% респондентов считают, что власть принадлежит гражданам (это, впрочем, неплохой результат – согласно исследованиям середины 2000-х гг., количество тех, кто считал, что власть принадлежит народу, колебалось вокруг 1% [Бюрократия и власть..., 2005: 11]). Респонденты полагают, что власть в России действует в своих собственных интересах (35%) или в интересах меньшинства населения (27%). В сумме это более чем в три раза превышает количество тех, кто считает, что власть действует в интересах большинства (17%).

Россияне полагают, что власть в России выражает интересы высшей бюрократии страны – высших государственных чиновников (59%) вкупе с высшими военными чинами и «силовиками» (38%), высших управленцев частных компаний и корпораций (44%) и крупных собственников (41%). Поскольку, по мнению граждан, политики – т.е. те, за кого голосуют граждане, – отстают по представленности интересов на 10–30 п.п. от первых групп (28%), даже формально можно говорить, что российская власть не имеет политического характера. Сами граждане по представительству интересов (19%) недалеко ушли от криминальных группировок (15%). По остаточному принципу «буржуазная» власть представляет интересы среднего и малого бизнеса (всего 1%!), а также бюджетников (5%), пенсионеров (3%), студентов и учащихся (2%).

Таким образом, россияне предпочитают «жизнь вне политики»: 66% респондентов убеждены, что «политика – дело немногих»; примерно половина (46%) заявляет, что они «никак не связаны с политикой», 42% только «наблюдают» за ней. К политическим активистам отнесли себя 7%.

Для дальнейшего анализа данных обследования были выделены подвыборки респондентов, соответствующие идеальным типам политического поля и зоны власти (основной критерий – отношение респондентов к правилам в политике²). В рамках неоинституционального подхода дополнительным критерием стало восприятие политики как инклюзивной или эксклюзивной сфер³; в рамках делиберативного подхода – склонность к делиберации (способность в ходе дискуссий о политике менять свою точку зрения под влиянием аргументации оппонента)⁴; в рамках неореспубликанского подхода – отношение к универсальному формальному правилу, т.е. к закону⁵ (табл. 1).

Во всех трех случаях группы респондентов, разделяющих нормативные установления «политического поля», оказались значительно меньшими по объему, чем группы

²Использовался вопрос «С каким утверждением вы согласны?» с вариантами ответа: 1. «Политика имеет “правила игры”», 2. «Политика – это “игра без правил”», 3. «Политика – это “игра”, правил которой мы не знаем», 4. «Затрудняюсь ответить».

³Использовался вопрос «Какая точка зрения вам ближе?» с вариантами ответа: 1. «Политика – это дело всех», 2. «Политика – это дело немногих», 3. «Затрудняюсь ответить».

⁴Использовался вопрос «Если вы участвовали в дискуссиях о политике, то были ли случаи, когда вы изменяли свою точку зрения под влиянием аргументации оппонента?» с вариантами ответа: 1. «Да», 2. «Нет», 3. «Затрудняюсь ответить».

⁵Использовался вопрос «С какой точкой зрения вы согласны?» с вариантами ответа: 1. «В России законы можно и нужно выполнять», 2. «Какие-то законы нужно выполнять, какие-то нет», 3. «В России нет нормальных законов, которые следовало бы выполнять», 4. «Затрудняюсь ответить».

Таблица 1

**Критерии разделения респондентов на подгруппы
в соответствии с моделями политического поля и зоны власти**

Правила в политике	Теоретические модели					
	неоинституциональная		делиберативная		неореспубликанская	
	политика открыта для...		в дискуссиях о политике...		законы...	
	всех	немногих	менял(а) точку зрения	не менял(а) точку зрения	следует исполнять	можно исполнять избирательно/нарушать
Есть	Политическое поле		Политическое поле		Политическое поле	
Неизвестны / отсутствуют		Зона власти		Зона власти		Зона власти

респондентов, чьи представления соответствуют моделям «зоны власти» (количество первых не выше одной пятой от всех респондентов, а количество вторых может доходить до половины респондентов). Такое распределение респондентов подтверждает первоначальные предположения о замещении в России политического поля зоной власти, хотя и затрудняет сравнения между группами. Однако полученные данные свидетельствуют о четкой дифференциации между респондентами «политического поля» и респондентами «зоны власти» в рамках каждой из моделей и о сближении респондентов «поля» разных моделей, с одной стороны, и респондентов «зоны» разных моделей – с другой. На наш взгляд, сравнение респондентов разных групп работает как эвристическая методика и позволяет судить о тенденциях (со)существования политического поля и зоны власти в России.

В качестве примера приведем данные, показывающие то, как понимаю российскую политику респонденты групп «политического поля» и «зоны власти», выделенных в соответствии с критериями неоинституциональной, делиберативной и неореспубликанской моделей (табл. 2 и рис.).

У респондентов «поля» присутствуют достаточно четкие представления о политике как сфере целеполагания и принятия общественно важных решений, что соответствует идеально-типическим моделям политического поля. Для респондентов «зоны» более существенно понимание политики как сферы достижения личных целей и согласования групповых интересов (причем они скорее имеют в виду не классическую модель

Таблица 2

Понимание политики (% респондентов, множественные ответы)

Политика в России – это сфера, где...	Теоретические модели					
	неоинституциональная		делиберативная		неореспубликанская	
	ПП	ЗВ	ПП	ЗВ	ПП	ЗВ
Действует власть	41	57	50	59	56	60
Определяются задачи для общества	62	19	57	22	50	13
Преследуются личные цели	12	48	14	51	13	56
Принимаются важные для общества решения	64	26	67	25	61	21
Разрешаются конфликты	32	7	29	6	27	9
Согласуются групповые интересы	12	27	24	23	12	30

Примечание. Здесь и далее условные обозначения: ПП – политическое поле; ЗВ – зона власти.

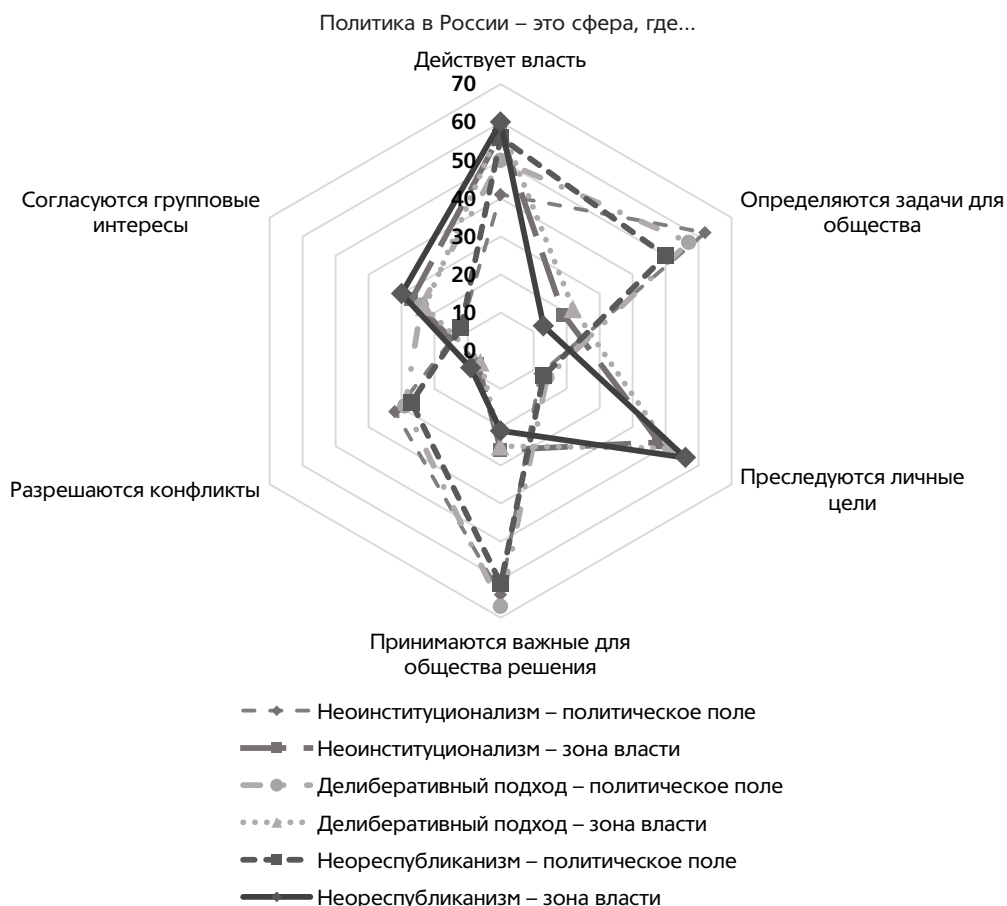

Рис. Понимание политики в политическом поле и в зоне власти (в рамках различных подходов)

согласования интересов в рамках системы политического представительства, а неполитические механизмы достижения договоренностей, характерные для клик). Респондентов «поля» и «зоны» явно объединяет представление о политике как о сфере действия власти, ставшее для российского социума фундаментальным.

Эмпирические данные позволили подтвердить и характеристики идеально-типической модели зоны власти, сформулированные с неoinституциональных позиций. В зоне власти фиксируются кликовые неформальные нормы и практики: 72% респондентов «зоны» считают, что политики в России предпочитают действовать в обход правил на основе личных договоренностей (против 56% по всей выборке и 21% в группе «поля»). Подтверждается и неполитический характер отношений в зоне власти. Власть действует с помощью денег, манипулирования желаниями людей, пропаганды и силы. Гораздо менее значимыми инструментами являются закон (занимающий первое место в группе «поля»), общественное мнение и знания, а произвол используется в «зоне» в четыре раза чаще, чем в «поле» (табл. 3).

Респонденты «зоны» в три раза чаще респондентов «поля» полагают, что власть принимает решения «по своему разумению» (65 против 18%); практически избегая диалога с обществом (5 против 41%) и лишь изредка используя рекомендации профессионалов (20 против 36%). Всего 10% респондентов считают, что власть выражает интересы граждан; среди респондентов «поля» таких 64%. Респонденты «зоны» назвали основными ценностями российской политики выгоду (71%), личный успех (49%), собственность (44%) и силу (43%).

Таблица 3

Инструменты власти (% респондентов, множественные ответы)

Что обычно использует власть для достижения своих целей?	ПП	ЗВ
Деньги	23	51
Манипулирование желаниями людей	30	46
Пропаганду	35	45
Силу	18	34
Доверие людей	39	33
Закон	53	27
Произвол	6	24
Общественное мнение	53	14
Знание	32	11
«Понятия»	2	8
Мораль	14	2

Подтверждается и негативное влияние зоны власти на политическую вовлеченность граждан. Уровень участия в выборах президента у респондентов «зоны» значительно ниже, чем у респондентов «поля»: 57 против 86%. Половина респондентов за последние 12 месяцев не предпринимали ничего из предложенного списка незелекторальных форм политической активности (в «поле» таких оказалась четверть). Отвечая на вопрос о причинах неучастия в политике, респонденты «зоны» чаще выбирали вариант «Это бесполезно, от таких, как я, ничего не зависит» (46%), 21% признались, что они ничего не понимают в политике, а 16% заявили – «политика – грязное дело». У респондентов «поля» эти позиции получили 11, 8 и 5% соответственно, а основной причиной неучастия оказались «другие заботы» (41%).

Респонденты «поля» в целом разделяют нормативное представление о политике как открытой для влияния граждан сфере принятия стратегических решений. Однако говорить о сформированности собственно политического поля в России преждевременно: не наблюдается политического оформления конфликтов, на что указывают оценки напряженности отношений в социуме. Она наиболее выражена между богатыми и бедными, а также властью и гражданами, и гораздо слабее – между политически активными и аполитичными людьми (табл. 4).

Таблица 4

Социальная напряженность в России

(среднее по шкале, где 1 – напряженности нет..., 5 – напряженность высокая)

Напряженность между...	ПП	ЗВ	Выборка в целом
богатыми и бедными	3,05	3,38	3,30
властью и гражданами	2,71	3,16	3,10
политически активными и аполитичными людьми	2,00	2,09	2,11
мужчинами и женщинами	1,86	1,88	1,86

То, что респонденты «зоны» оценивают более высоко степень напряженности между властью и гражданами, можно трактовать как дополнительную фиксацию отчуждения зоны власти от общества. Гипотетически респонденты «поля» должны бы быть чувствительнее к напряженности между политически активными и аполитичными людьми, но этого не наблюдается, имущественный конфликт оказывается острее.

Значимый показатель несформированности политического поля – неготовность респондентов объединяться на основе политических взглядов. Последние, как и политическая активность, оказались факторами сближения лишь для 41% и 32% респондентов «поля» соответственно (19 и 14% в «зоне»). Большинство респондентов заявили: политические взгляды и политическая активность не влияют на их отношения с другими людьми.

Данные обследования ОСПИ-2018 также позволили верифицировать гипотезу относительно формирования (или отсутствия) предпосылок реализации основных принципов делиберативной модели политики (следовательно, и конституирования поля политики): публичности; инклюзивности; реципрокности; диалогичности; высокого уровня рационализации; формального и фактического равенства всех участников демократического процесса. Участие граждан в политике актуально для очевидного меньшинства респондентов: понимание политики как «дела всех» (22%) разделяют в три раза меньше респондентов, чем вариант «дело немногих» (66%). Создание условий участия признали важной задачей менее половины респондентов (48%), поэтому вряд ли можно говорить об инклюзивности политики. Политика в России не является публичной: 45% респондентов воспринимают ее как «игру» с неизвестными правилами, 56% полагают – политики в России предпочитают действовать «в обход правил». Очевиден вывод: большинство россиян адекватно оценивают неформальный, непубличный характер отношений в российской политике.

Оценка принципов, лежащих в основе политики в России, дает представление о возможности реализации другого признака делиберативной модели – реципрокности (взаимности). В перечне из 15 принципов «уважение к чужому мнению» находится на последнем месте (3%). Однако среди принципов, важных для будущего России, «уважение к чужому мнению» получает более высокую оценку (31%), что говорит о его потенциальной востребованности для россиян.

Что касается диалогичности, то лишь 4% респондентов имеют опыт публичного выражения своих взглядов и участия в организованных дискуссиях о политике. При этом большинство участвовавших (43%) не меняли свою точку зрения под влиянием аргументации оппонента (изменяли – лишь 15%). То есть диалог в понимании россиян обычно не предполагает перехода на точку зрения оппонента; это связано с дефицитом способности слышать и воспринимать позицию, отличную от собственной.

В теории делиберативной демократии речь идет о дискуссии как процессе сопоставления разумных суждений рефлексизирующих граждан и о диалоге между моральными индивидами (здесь Хабермас следует Канту). Дискуссия ведется *равными* и *свободными* индивидами, способными к эмпатии и стремящимися к достижению общего блага. Полученные нами данные в этом плане неоднозначны.

Уже упоминалось, что очень немногие респонденты публично выражали свои взгляды, участвовали в организованных дискуссиях о политике. Почти половину респондентов (47%) удовлетворяет реализация их права на получение информации, равно как и защищенность прав на свободу и личную неприкосновенность. Это, видимо, указывает на недостаточный уровень рационализации и невысокую востребованность ценности свободы, что характерно для общества несовременного типа.

По мнению 78% опрошенных, в России «есть моральные нормы, которым следует большинство людей», но нарушение этих норм вызывает неприятие лишь 44% респондентов: абстрактное признание существования моральных норм в обществе вовсе не означает, что им следуют в реальной жизни. Приходится констатировать, что в российском обществе отсутствуют серьезные предпосылки для реализации делиберативной модели политики. В связи с этим можно согласиться с оценкой России как «несовременной страны» [Иноземцев, 2018].

Существенные различия обнаруживаются между респондентами «поля» и «зоны», выделенными по критериям делиберативной модели. У первых выше показатели активности (к активистам относят себя 33 против 6%); четче выражены установки на объединение (52 против 34%); больше доверия к политическим институтам (президенту доверяют

93 против 60%, Госдуме – 62 против 23%, политическим партиям – 24 против 12%); выше приверженность ценностям доверия (57 против 36%!) и самостояния (52 против 30%). Здесь существенно больше полагающих (45 против 19%), что «политика – это дело всех», и тех, кто считает: «граждане способны организовать сами для решения важных для них задач» (76 против 46%). Половина респондентов «поля» полагают, что для влияния граждан на решения власти необходима их готовность взять на себя ответственность (в «зоне» только 34%), а 64% – что нужна компетентность граждан (против 39% в «зоне»).

Таким образом, делиберативный подход позволяет говорить о наличии в российском обществе индивидов (численно составляющих меньшинство), ценности, ориентации, представления и поведение которых делают их потенциальными субъектами политического поля – акторами современной политики. Но пока подавляющее большинство наших сограждан остаются в зоне власти, воспроизводя традиционные для российской политической культуры образцы.

Если использовать исследовательскую оптику неоклассиков-республиканцев, то выделяемые группы респондентов поля и зоны – это чувствительные к ценностям свободы не-доминирования респонденты-«республиканцы», с одной стороны, и «несопротивленцы» социальным отношениям господства, «лоялисты» поработавшей власти – с другой. Они различаются по когнитивным и поведенческим характеристикам, по-разному оценивают политику в России, соотносят должный и сущий политические порядки, демонстрируют predisposition к разным способам минимизации отношений господства.

Неореспубликанцы – протагонисты законопроектирования как императивного условия и гарантии статусного состояния гражданина «не быть ни господином, ни слугой» [Вироли, 2014]. Особое значение придается двум гражданским добродетелям. Первая – соблюдение законов как проявление гражданского самосознания и ответственности индивида, его решимость самому не стать субъектом господства, т.е. не позволять себе незаконные и безнравственные действия в республиканском «общем мире». Вторая – неуспяная гражданская бдительность, готовность и способность гражданина контролировать власть, заставляя ее следовать установленным правилам игры, пресекать попытки вырваться из «клетки» закона, становиться над ним и поработать таким образом объекты власти [Петтит, 2016].

Опрос ОСПИ-2018 зафиксировал преобладание ценностей свободного от господства политического порядка среди респондентов с высшим образованием (45%, выборка в целом – 32%). Обратим внимание на ряд выраженных когнитивных характеристик выделенных подгрупп. Респонденты-«республиканцы» демонстрируют более высокий уровень доверия к обществу. Это предполагает наличие у них более развитых, чем у респондентов в целом, норм ответственности, чувства взаимозависимости и чувствительности к ценности общего блага [Козырева, Смирнов, 2010]. 64% респондентов республиканского «поля» считают, что людям можно доверять. Этот показатель на 22 п.п. выше, чем в среднем по выборке (42%). Среди респондентов-«республиканцев» сравнительно невелико число тех, кто считает, что с людьми надо быть осторожнее, – 36%. Этот показатель ниже на 21 п.п. референтного значения общей выборки (57%).

Респонденты-«республиканцы» демонстрируют оптимизм (пусть осторожный), оценивая вероятность должной защиты граждан законом при их конфликте с властью (41%) на фоне глубокого пессимизма всех респондентов (17%). У «несопротивленцев» сфере господства уверенность в равенстве перед законом в разы ниже – 7%, а 81% респондентов в сфере отношений господства не полагается на защиту закона при конфликте с властью. Так в «зоне» власти формируется «кодекс» отношений поработченности, который становится предметом общего знания и, как следствие, формой доминирующей власти и способом ее экспансии в политическое поле.

Данные опроса указывают на выраженную связь между предметом общего знания, степенью интериоризации норм взаимной ответственности, уверенностью в законопроектировании, с одной стороны, и оценками состояния российского общества, с другой стороны. Разница

в определении отдельных аспектов его состояния достигает 40 процентных пунктов. 54% респондентов-«республиканцев» считают, что власть в России выражает интересы граждан; это убеждение разделяют лишь 19% всех респондентов и 6% респондентов сферы господства. 60% респондентов республиканской версии поля политики убеждены, что политики действуют по правилам. С этим согласны всего 19% респондентов всей выборки.

При определении господствующих в российском обществе ценностей расхождение оценок респондентов «республиканского» поля и всей выборки составило более 10 процентных пунктов по следующим позициям: выгода – 35% «республиканцев» и 63% в целом по выборке; закон – 38 и 19% соответственно; права человека – 24 и 11%; мораль – 22 и 10%; справедливость – 17 и 6%; традиция – 28 и 17%. На хронический характер отношений господства и масштабность их экспансии в (прото)поле российской политики указывает принципиальная схожесть конфигурации ответов всей выборки и «зоны» власти.

Отметим также некоторые поведенческие особенности респондентов-«республиканцев» как потенциальных агентов формирования республиканской версии политического поля. Среди них высока доля политических активистов (23%, вся выборка – 7%) и незначительно число респондентов, считающих себя никак не связанными с политикой (27%, вся выборка – 46%). Количество респондентов, считающих политику «делом всех», среди «республиканцев» более чем в два раза выше, чем по выборке в целом (50 и 22% соответственно). В то же время респонденты-«республиканцы» не склонны к участию в политике в формате *vita activa*. 74% респондентов республиканской версии поля политики – сторонники единства политических сил, что на 21 п.п. выше показателя для всей выборки (53%). Всего 20% «республиканцев» полагают, что конкуренция политических сил в России важнее их единства (всего по выборке 30%). В «республиканском» поле политики зафиксировано самое большое число респондентов, считающих маргиналами тех людей, которые участвуют в акциях протеста на политические темы (19%). Это утверждение разделяют 11% «лоялистов» сферы доминирования и 12% всех респондентов.

Тема отдельного исследования – почему в совершенно иной институциональной среде и политической культуре российские (потенциальные) агенты республиканской версии политического поля проявляют «родовые черты» романской школы республиканизма: отношение к конкурентной борьбе как скорее патологии, а не физиологии политического порядка; опасение тирании большинства, предпочтение «мудрости немногих» широкому участию масс в принятии политических решений.

Заключение. Несмотря на общий вывод об отсутствии почвы для современной модели политики в России, некоторые предпосылки для ее формирования (прежде всего на низовом уровне) с точки зрения представлений российских граждан все-таки просматриваются в данных проведенного обследования. Так, большая часть респондентов (около 60%) считают, что решения, касающиеся проблем повседневной жизни граждан, должны приниматься «местными органами власти после обсуждения с гражданами». Более половины опрошенных указывают: для влияния граждан на принятие решений власть должна быть открыта для диалога, а около 40% – сами граждане должны обладать определенными компетенциями. Наконец, почти половина респондентов (45%) полагают: «граждане России способны сами организовать для решения важных для них задач», а довольно существенная их часть (около одной трети) считают участие граждан в принятии решений важным для государственного управления и решения проблем страны. Это внушает определенные надежды с точки зрения предпосылок появления в России современной политики.

Поле политики в российских условиях может прорасти «снизу», путем взаимодействия рефлексизирующих и моральных индивидов, их коммуникации, диалога, использования институциональных форм разрешения конфликтов, выработки общих позиций, соотношенных с целями всего общества. Следовательно, необходимы условия и действия для воспитания *активного гражданина*, обладающего способностями вести дискуссии по общественно значимым темам, обосновывать и менять свои предпочтения в ходе аргументированной дискуссии, находить решения, включая политические, приемлемые для всех, кого они затрагивают.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бюрократия и власть в новой России: позиция населения и оценки экспертов. Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2005.
- Вироли М. Свобода слуг. М.: ВШЭ, 2014.
- Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С.В. Патрушева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013.
- Иноземцев В. Несовременная страна. Россия в мире XXI века. М.: Альпина Диджитал, 2018.
- Козырева П.М., Смирнов А.И. Доверие и его роль в консолидации российского общества // Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение / Под ред. М.К. Горшкова. М.: Новый хронограф, 2010. С. 160–199.
- Массовая политика: Институциональные основания / Под ред. С.В. Патрушева. М.: Политическая энциклопедия, 2016.
- Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы // Политическая наука. 2001. № 2. С. 146–186.
- Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Социокультурный раскол и проблемы политической трансформации России // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 6. М.: ИС РАН, 2007. С. 301–318.
- Петтит Ф. Республанизм. Теория свободы и государственного правления. М.: Ин-т Гайдара, 2016.
- Шапиро Й. О не-господстве // Логос. 2012. № 4(88). С. 3–35.
- Andersen V., Hansen K. How Deliberation Makes Better Citizens: the Danish Deliberative Poll on the Euro // European Journal of Political Research. 2007. Vol. 46. Iss. 4. P. 531–556.
- Fishkin J. Consulting the Public through Deliberative Polling // Journal of Policy Analysis and Management. 2003. Vol. 22. No. 1. P. 128–133.
- Gronlund K., Setälä M., Herne K. Deliberation and Civic Virtue: Lessons from a Citizen Deliberation Experiment // European Political Science Review. 2010. Vol. 2. Iss. 1. P. 95–117.
- Lovett F. A General Theory of Domination and Justice. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010.
- Mansbridge J. Beyond Adversary Democracy. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1983.
- Mendelberg T., Oleske J. Race and Public Deliberation // Political Communication. 2000. Vol. 17. P. 169–191.
- Mutz D. Hearing the Other Side: Deliberative versus Participatory Democracy. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006.

Статья поступила: 25.07.19. Финальная версия: 07.10.19. Принята к публикации: 28.10.19.

POLITICAL FIELD AND ZONE OF POWER: IDEAL TYPE VARIETIES AND AN EMPIRICAL VERIFICATION

NEDYAK I.L., PAVLOVA T.V., PATRUSHEV S.V., PHILIPPOVA L.E.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Irina L. NEDYAK, Dr. Sci. (Polit.), Leading Researcher (iraned@mail.ru); Tamara V. PAVLOVA, Cand. Sci. (Hist.), Leading Researcher (tamarapavlova@mail.ru); Sergey V. PATRUSHEV, Cand. Sci. (Hist.), Head of Department of Comparative Political Studies (servpatrushev@gmail.com); Liudmila E. PHILIPPOVA, Cand. Sci. (Polit.), Senior Researcher (liudmila_filippova@hotmail.com). All – Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Abstract. In the article, the concepts “political field” and “zone of power” are analyzed in order to evaluate their applicability to the sociological study of conditions for emergence of modern-type politics in Russia – based on goal-setting and competition. The attempted conceptualization was based on neoinstitutional, deliberative and neo-republican approaches. Models developed by the authors were verified using the data of a 2018 nationwide representative population survey. It is demonstrated that, according to different understanding of rules and their role in politics, political sphere in Russia is perceived either as a closed and deformed zone of power or as an open political field. These perceptions influence how the possibility of interests’ realization in politics is assessed and how attitudes towards participation are formed. The approaches used in the article also help to reveal how the zone of power can potentially be transformed into political field.

Keywords: modern-type politics, power, domination, citizens, political field, zone of power, neoinstitutional analysis, neoclassical republicanism, deliberation, reflexivity, dialogicality.

REFERENCES

- Andersen V., Hansen K. (2007) How Deliberation Makes Better Citizens: the Danish Deliberative Poll on the Euro. *European Journal of Political Research*. Vol. 46. Iss. 4: 531–556.
- Fishkin J. (2003) Consulting the Public through Deliberative Polling. *Journal of Policy Analysis and Management*. Vol. 22. No. 1: 128–133.
- Bureaucracy and Power in New Russia: Population's Position and Experts' Assessment. Analytical Report. (2005) Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Gronlund K., Setälä M., Herne K. (2010) Deliberation and Civic Virtue: Lessons from a Citizen Deliberation Experiment. *European Political Science Review*. Vol. 2. Iss. 1: 95–117.
- Inozemtsev V. (2018) *Non-modern Country. Russia in the 21st Century World*. Moscow: Alpina-Didzhital. (In Russ.)
- Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2010) Trust and its Role in Russian Society's Consolidation. In: Gorshkov M.K. (ed.) *Social Factors of Russian Society's Consolidation: Sociological Dimension*. Moscow: Novyi khronograf: 160–199. (In Russ.)
- Lovett F. (2010) *A General Theory of Domination and Justice*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Mansbridge J. (1983) *Beyond Adversary Democracy*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Mendelberg T., Oleske J. (2000) Race and Public Deliberation. *Political Communication*. Vol. 17: 169–191.
- Mutz D. (2006) *Hearing the Other Side: Deliberative versus Participatory Democracy*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Patrushev S.V. (ed.) (2016) *Mass Politics: Institutional Bases*. Moscow: Politicheskaya entsiclopediya. (In Russ.)
- Patrushev S.V. (ed.) (2013) *The Civic and the Political in Russian Social Practices*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Patrushev S.V. (2001) Institutionalism in Political Science: Stages, Currents, Ideas, Problems. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. No. 2: 146–186. (In Russ.)
- Patrushev S.V., Khlopin A.D. (2007) Sociocultural Split and Problems of Russia's Political Transformation. In: Gorshkov M.K. (ed.) *Reforming Russia. Yearbook*. Moscow: IS RAN. Iss. 6: 301–318. (In Russ.)
- Pettit Ph. (2016) *Republicanism. A Theory of Freedom and Government*. Moscow: In-t Gaidara. (In Russ.)
- Viroli M. (2014) *The Liberty of Servants*. Moscow: VShE. (In Russ.)

Received: 25.07.19. Final version: 07.10.19. Accepted: 28.10.19.